

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Сентября 15.

№ 18.

1887 года.

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О БЫВШЕЙ ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ СЕМИНАРІИ И О СОВРЕМЕННЫХЪ ЕЙ МАЛЫХЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ ГОРОДАХЪ: ТОТЪМЪ, ЛАЛЬСКѢ, СОЛВЫЧЕГОДСКѢ И ЯРЕНСКѢ (*).

(Продолженіе).

II.

Быть семинаристовъ: общежитіе или бурса; пища и одежда бурсаковъ; время выдачи одежды и сроки, на которые она выдавалась; неполокоштные ученики, или полубурсаки; побѣги учениковъ изъ школы; мѣры ихъ исправленія и наказанія; женитба учениковъ во время ученія; распоряженіе преосвященнаго Варлаама относительно ученическихъ браковъ; возрастъ семинаристовъ и продолжительность семинарскаго курса; исключеніе учениковъ изъ семинаріи; распоряженіе преосв. Варлаама для удержанія учениковъ отъ выхода изъ школы; особенность риторическаго класса; зачисленіе за учениками церковныхъ мѣстъ; нѣкоторые начальники и наставники семинаріи; малыя духовныя училища въ устюжской епархіи.

Въ устюжской семинаріи, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ семинаріяхъ, существовало, съ самаго начала ея, общежитіе или бурса, въ которую принимались дѣти—сироты, или имѣвшія бѣдныхъ родителей. Для принятія на бурсу, обыкновенно подавались учениками, или ихъ родителями, прошенія на имя преосвященнаго, отъ котораго зависѣли тогда всѣ дѣла семинарскія. Для образца, вотъ два изъ такихъ прошеній, живо обрисовывающихъ неприглядное положеніе тогдашнихъ бѣдныхъ учениковъ:

„Великому Господину, преосвященнѣйшему.... наислезнѣйшее прошеніе. Въ нынѣшнемъ Февралѣ сего 1763 года

(*) Начало въ №№ 16 и 17.

взять я всенижайшій съ протчими новоприведенными учениками въ семинарію Вашего Архипастырства, но имѣю родителя моего дядька самаго убогаго, который, кромѣ меня и другаго моего брата, прежде взятаго сюда же въ школу, содержитъ на пропитаніи бѣдныхъ своихъ домашнихъ девять человекъ; я же, когда былъ и въ Усольской (сольвычегодской) школѣ (*), пищу себѣ по большей части по подъякнамъ збиралъ въ простыя дни, въ воскресныя же и въ праздничныя робилъ (работалъ (**)), и отъ того себя питалъ; а теперь, пришедъ въ Устюгъ, когда еще не отосланъ былъ въ здѣшнюю семинарію, тогда ради Христа на подворьѣ меня кормили, когда же отосланъ въ ее, сижу другой день не ѣдчи. Того ради Вашего Архипастырскаго ко всемъ бѣднымъ показуемаго щедролубія наислезнѣйше прошу: помилуй, отецъ благоутробный! соблаговоли и меня бѣднаго съ протчими учениками принять на семинарійскій коштъ“.

„Великому Господину, преосвященнѣйшему..... слезнѣйшее прошеніе. Остался я всеубогой сирота по смерти родителя моего двухъ лѣтъ, и взятъ былъ къ Солѣ (въ Сольвычегодскѣ) въ училищной домъ десяти-лѣтнимъ, гдѣ обучался три года, збирая милостины по подъякнамъ; нынѣ же отсылаюсь въ семинарію Вашего Архипастырства, въ которой будучи, такимъ же образомъ буду принужденъ дневную пищу получать. Того ради Вашего отеческаго благоутробія со слезами прошу, чтобъ опредѣлить меня всеубогаго въ число съ прочими семинаристами, на семинарійскій трактаментъ. 1763 года, мѣсяца Февраля „...“ дня“.

Въ 1761 году въ устюжскомъ семинарскомъ общежитіи находилось 63 ученика. Въ сохранившемся спискѣ этихъ учениковъ, противъ каждаго изъ нихъ въ особой графѣ, сдѣлана

(*) Объ этой школѣ будетъ сказано ниже.

(**) На прим. въ весеннее и лѣтнее время занимался копать и полоть гряды, въ зимнее—очищать на дворѣ снѣгъ, носить дрова, воду и проч. Св. Тихонъ Задонскій, обучаясь въ Новгородской семинаріи съ 1738 по 1750 годъ, также занимался копать гряды.

помѣта о томъ, „кто ихъ отецъ“. Противъ 32-хъ именъ написано: „отца не имѣть“, а противъ остальныхъ сдѣланы слѣдующія записи: „отецъ у него монахомъ“, „отца имѣть, только убогаго“, „отца имѣть въ пономаряхъ“, „отецъ у него строителемъ“, „отца имѣть токмо самаго нищаго“, „отца имѣть, только онъ не при мѣстѣ“, „отецъ у него дячекъ“, „отецъ у него сторожъ, самой убогой“; противъ одного помѣчено: „нищей со всѣмъ“.

Принятые на „семинарійскій трактаментъ“ воспитанники снабждались отъ семинарскаго начальства всѣми жизненными потребностями и учебными пособиями: пищею, одеждою, книгами и проч. О томъ, какъ кормили бурсаковъ въ устюжскомъ общежитіи, найдено свѣдѣніе въ нижеслѣдующемъ распоряженіи преосвященнаго Варлаама относительно бурсацкаго стола: „...учениковъ, которые не имѣютъ отцовъ своихъ и содержатся на семинарійскомъ коштѣ, тѣхъ довольствовать пищею таковою: въ мясоыстія, въ господскія праздники и воскресныя дни мясомъ говяжьимъ, на каждого человѣка по оунту на день, а въ постныя, когда случаются господскія праздники и воскресныя дни, варить рыбу треску, съ разсмотрѣніемъ, безъ излишества, а въ протчіе простые дни довольствовать пищею обычайною, безъ варенія мяса и рыбъ.“— „Обычайная“ же, т. е. будничная пища бурсаковъ вѣроятно состояла изъ кушаньевъ, подобныхъ напри. упоминаемымъ въ нижеслѣдующихъ записяхъ расходной семинарскаго книги: „куплено про семинарское употребленіе на вареніе штей квашеной капусты 8 ушатовъ, по 3 коп. за ушатъ; куплено въ питомство ученикамъ рѣтки одна четверть шесть четвериковъ, на 41 копейку“ и проч. тому подобн. кушанья.

Объ одеждѣ бурсаковъ сохранилось довольно свѣдѣній, чтобы составить ясное и полное понятіе объ ихъ гардеробѣ. Полный костюмъ ихъ, лѣтній и зимній, составляли слѣдующія предметы: рубашки, порты, кафтаны, зипуны, кушаки, рука-

вицы простыя, рукавицы съ варегами (*), шубы, шляпы, шапки, чулки, чарки, коты (**), и лапки. Кафтаны строились изъ сукна сермяжнаго, а чулки изъ бѣлаго, какъ это видно изъ слѣдующей записи въ расходной семинарской книгѣ 1749 года: „куплено про учениковъ сукна сермяжнаго на кафтаны и бѣлаго на чулки, всего на 12 рубл 63 коп.“ Бѣлье приготовлялось изъ тонкаго портна: „куплено портна тонкаго ученикамъ на рубашки и портки на 6 руб. 30 коп.“—Кстати приводимъ еще нѣсколько небезынтересныхъ выписокъ изъ расходныхъ книгъ о разныхъ предметахъ тогдашняго семинарско-бурсацкаго обихода: „куплено на выдачу ретористамъ 6 шапокъ овчинныхъ, по 35 к. шапка, 1 р. 75 к., да 8 шапокъ простыхъ по 13 коп. шапка; „куплено на раздачу ретористамъ пятерымъ человѣкамъ, по овчинному шубняку, цѣной по рублю за шубнякъ, 5 рублей, куплено на раздачу неимущимъ ученикамъ, лаптей 350 паръ берестяныхъ, дано 1 руб. 75 коп., да 100 паръ липовыхъ большой руки, дано 1 р. 20 к. (**); чарковъ пара 18 коп., кушаковъ 14, по 3 коп. за кушакъ, шляпъ десять, по 12 коп. шляпа; чернильницъ глиняныхъ десятокъ 15 коп.“

Выдача бурсакамъ платья и обуви производилась большею частію передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи. Для этого обыкновенно составлялся списокъ учениковъ съ такимъ заглавіемъ: „Реестръ имѣющейя при домѣ преосвященнаго (имя рекъ), епископа великоустюжскаго и тотемскаго, семи-

(*) Варегъ—шерстяная или пуховая визаная перчатка съ однимъ, или пятью напалками, вдѣваемая для тепла въ кожаную или замшевую рукавицу.

(**) Чарки и коты—кожаная обувь, въ родѣ глубокихъ башмаковъ съ толстыми подошвами и съ суконною, иногда цвѣтною, по верхнему краю опушкою, въ которую продѣвается шнурокъ для прикрѣпленія обуви къ ногамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волог. губерніи чарки и коты до сихъ поръ употребляются, но преимущественно женскимъ поломъ.

(***) Думаемъ, что лапти, запасавшіеся въ столь значительномъ количествѣ, выдавались не бурсакамъ, а бѣднымъ „неполнокоштнымъ“ ученикамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; потому что бурсакамъ, при чаркахъ и котакъ, лапти, кажется, были излишни.

наріи о ученикахъ, которые требуютъ къ наступающему празднику Рождества Христова (или Пасхи) одежды и обуви, а имянно: чарковъ, чулковъ, рубашекъ, портковъ, шапокъ, рукавиць и кушаковъ, о томъ объявляется ниже сего“. За тѣмъ писались въ реэстрѣ имена и фамиліи учениковъ и противъ каждаго изъ нихъ обозначалось, что именно изъ платья и обуви должно быть ему выдано.

Сроки, на которые выдавались бурсакамъ платье и обувь, были слѣдующіе: шубы выдавались на шесть лѣтъ, зипуны—на четыре года, рубашки съ портками и чарки съ чулками—на годъ. Это видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго въ Декабрѣ 1748 года нѣсколькими учениками семинаріи казначею устюжскаго архіер. дома: „Мы нижеименованные, обрѣтающіеся дому Его Пресвященства семинаріи на трактamentъ ученики, имѣемъ необходимую нужду какъ въ платьѣ, такъ и обувѣ: ибо чрезъ шестилѣтнее время—шубъ, чрезъ четырехлѣтнее—зипуновъ, чрезъ годишное рубашекъ съ портами и чарковъ съ чулками не получаючи, весьма обносились, отъ чего претерпѣвая нынѣ великую нужду, просимъ, Ваше преподобіе, о награжденіи насъ нижеподписавшихся вышеобъявленными потребностями, какъ платьемъ, такъ и обувью“ (слѣдуютъ подписи одиннадцати учениковъ, изъ коихъ одинъ подписался „студентомъ“).

Кромѣ полнокоштныхъ воспитанниковъ, были въ устюжской семинаріи еще ученики не полнокоштные, которые, проживая не въ общежитіи, а въ квартирахъ, получали на свое содержаніе отъ семинарской экономіи извѣстное пособіе деньгами, хлѣбомъ, а иногда и платьемъ. Такъ одинъ ученикъ—бѣднякъ, жившій сперва на бурсѣ, а потомъ по чему-то удаленный изъ нея, получалъ на свое содержаніе „по денжкѣ въ день“; но, терпя при этомъ пособіи большую нужду, просилъ о назначеніи „по копѣйкѣ въ день“ (*). Другой ученикъ, не принятый на бурсу вѣроятно по несовершенной бѣдности, по-

(*) См. приложение 2.

лучалъ отъ семинаріи на свое пропитаніе „хлѣбомъ печенымъ въ недѣлю по 20 фунтовъ (*), а кромѣ хлѣба ничего не получалъ“; этотъ же ученикъ, „обносившись платьемъ“, просилъ, ради наступающаго праздника Рождества Христова, снабдить его платьемъ, или вмѣсто платья деньгами. О третьемъ ученикѣ, также не принятомъ въ общежитіе, многосемейный отецъ его просилъ семинарское начальство, чтобъ сыну его „давать хотя хлѣба и квасу по стольку же, по сколько дается и другимъ ученикамъ“. Слова: „по сколько дается и другимъ ученикамъ“ показываютъ, что, кромѣ означеннаго просителя, было не мало и другихъ учениковъ, получавшихъ такое же пособіе.

(Продолженіе впрѣдъ).

Чудо Божіей кары надъ штундистами.

Въ селѣ Салихѣ, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., въ прошлый великій постъ, какъ сообщаетъ „Кіевское Слово“, случилась слѣдующая исторія въ штундистскомъ мірѣ. На страстной седмицѣ всѣ мѣстные штундисты, чтобы поглумиться надъ православными, сходились въ домъ мѣстнаго вожака А. Мироненка и послѣ псалмопѣній устраивали братскія трапезы изъ скоромной пищи. Не послѣднее мѣсто занимала и водка, хотя выпивали „точію по единой“ (штундистамъ болѣе одной рюмки пить запрещается), хотя этой „единой“ для нѣкоторыхъ служилъ чайный стаканъ. Такія собранія продолжались до страстной пятницы, которую штундисты почтили особымъ посмѣяніемъ. По совѣту вожака Мироненка, тѣ, у кого оказались заброшенные куда-нибудь иконы, подѣлали изъ боль-

(**) Раздача хлѣбныхъ порцій по рукамъ существовала и въ новгородской семинаріи. Святитель Тихонъ Задонскій, учившійся тамъ на казенномъ содержаніи, такъ рассказывалъ послѣ о своемъ житіи: „терпѣлъ великую нужду по недостатку къ содержанію себя; и такъ бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставляю для продовольствія себя, а другую продамъ и куплю свѣчу; съ нею сяду за печку и читаю книгу. А богатыхъ отцевъ дѣти, соученики мои, играютъ, или найдутъ лапти и учнутъ надо мною смѣяться и оными махать на меня, говоря: „величаемъ ты“.—

шихъ иконъ табуретки для сидѣнья, а изъ меньшихъ—скамейки подѣ ноги. На такихъ стульяхъ братія совершала въ пятницу братскую трапезу. Но тутъ совершилось съ братіей нѣчто странное и необычайное. Когда на столѣ были разставлены яства изъ свинины, а Мироненко первый, сидя на стулѣ изъ иконы, выпилъ рюмку водки и, закусивъ свининой, сказалъ: „глупые православные! какой-же постъ!“—вся сидѣвшая братія, точно обезумѣвъ, вдругъ пустилась плясать по хатѣ, потомъ въ сѣняхъ, затѣмъ на дворѣ передъ хатой. Проходившіе остаивались и съ удивленіемъ смотрѣли на ошалѣвшихъ штундистовъ, которые ратуютъ противъ музыки и всякихъ увеселеній, а плясать никогда не пляшутъ. При этомъ Мироненко пуще всѣхъ расходился и, поднявъ руки вверхъ, кричалъ: „оце люди, штунды, такъ штунды настоящіе!“ Сбросивъ съ себя всю какъ есть одежду, онъ побѣжалъ затѣмъ домой; жена его, тоже раздѣвшись, побѣжала по огородамъ. Прибѣжавъ домой, Мироненко хотѣлъ бить своихъ дѣтей, но былъ удержанъ сбѣжавшейся толпой, однако все-таки убилъ ягненка и разбилъ голову одному теленку. Съ той поры и доселѣ Мироненко остается въ состояніи безумія, бѣгаетъ нагимъ по полямъ и лѣсамъ, забѣгаетъ и въ село, но поймать его никакъ не удается. Посланные за нимъ изъ села видѣли его сидящимъ или ходящимъ нагимъ, съ мундиромъ подъ мышкой (онъ солдатъ) и съ кепи на головѣ; но лишь только замѣтитъ онъ человѣка, убѣгаетъ такъ быстро, что положительно нельзя догнать его. Однажды онъ забѣжалъ въ мѣстечко Н. на ярмарку и явился на площади нагимъ, съ кепи на головѣ. Народъ сталъ ловить его, но онъ спустился къ рѣкѣ и, переплывъ ее съ мундиромъ въ рукѣ, скрылся въ лѣсу. Другой разъ онъ явился къ себѣ домой, жену заперъ въ хатѣ, а самъ, захвативъ громадный ножъ, сталъ маршировать возлѣ хаты, поднявъ къ верху ножъ, на подобіе стоящаго на посту часоваго. Десятскій, проходившій мимо, сказалъ: „здравствуй, Антонъ!“—„Солдатъ на часахъ—никому нѣтъ здравствуй“. „Сталъ я у воротъ и задумавшись объ этомъ человѣкѣ,—разсказывалъ десятскій,—не видалъ и не слыхалъ, какъ М. побѣжалъ къ воротамъ и съ силой ударилъ ножомъ въ доску воротъ. Попади онъ въ отверстіе—неминуема была-бы моя

смерть, так какъ, видно, ударъ былъ направленъ въ сердце или въ животъ“. Народъ давно уже желаетъ поймать его и отправить въ Кіевъ, въ Кирилловское. Справедливо опасаются, что этотъ несчастный можетъ бѣдъ надѣлать. Сельскій староста нарядилъ верховыхъ, которые окружили небольшой лѣсъ, куда скрылся Мироненко, но всѣ поиски оказались безплодны. Жена Мироненко довольно долго была въ безпамятствѣ, сбрасывала съ себя одежду и въ такомъ видѣ бѣгала по огородамъ и улицамъ, но по временамъ она приходила въ себя и совершенно здраво разсуждала. Больная разсказывала, что какая-то невидимая сила уводила ее въ сѣни и тамъ нѣсколько разъ погружала въ кадку съ водою; при этомъ она умоляла спасти ее. Всѣ родственники ея, православные, просили приходскаго священника освятить у ней воду, что и было сдѣлано священникомъ о. Г., послѣ чего она почувствовала себя лучше, а 9-го Мая пожелала исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ и отреклась отъ штундизма, возвратившись въ православіе. Теперь по селу только и толковъ, что о штундистахъ, особенно о Мироненкѣ съ его женой, которыхъ, говорятъ православные, Богъ наказалъ за глумленіе надъ постомъ и вѣрой православной. Но упорные штундисты находятъ, что Мироненкомъ такъ овладѣло нечестіе православныхъ, что не даетъ ему познать истину слова Божія и сдѣлаться „истинно-вѣрующимъ и истинно-духовнымъ“... Случай съ Мироненко, однако, подѣйствовалъ на штундистовъ: одни возвратились послѣ этого къ православію, а болѣе ярые просили священника вести съ ними бесѣду, о чемъ прежде и слышать не хотѣли.

Содержаніе:

1) Нѣсколько свѣдѣній о бывшей Великоустюжской семинаріи (продолженіе).—2) Чудо Божіей кары надъ штундистами.

При семь номерѣ разсылается въ видѣ особаго прибавленія третій поллистъ тиражныхъ таблицъ.

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Сентября 14 дня, 1887 года. Вологда
Въ типографіи Губернскаго Правленія.